

УДК 811.511.131'255.2:811.161.1 (045)

*Д.А. Ефремов, М.Р. Уракбаева***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ С УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

При переводе с одного языка на другой переводчику необходимо выполнить различного рода модификации, преобразования, чтобы результат перевода получился адекватным и эквивалентным оригиналу. Автор анализирует грамматические трансформации при переводе художественной литературы с удмуртского языка на русский язык. Нулевая трансформация хотя и применяется, но лишь в ограниченных случаях, поскольку существенные различия в морфологии и синтаксисе удмуртского и русского языков требуют использовать различные преобразования. Членение предложения, как правило, возникает при замене предложения с деепричастным оборотом двумя простыми предложениями. Объединение предложений, как и членение, используется повсеместно, порой эти два приема сочетаются; данные трансформации обычно не происходят самостоятельно, а сопровождаются также и лексическими модификациями. Грамматические замены – наиболее часто используемый прием, поскольку он включает в себя широкий спектр преобразований: видоизменяются словоформы, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и т. п. Данные трансформации бывают двух видов: грамматическая форма изменяется, поскольку она отсутствует в одном из языков (к примеру, категория рода в удмуртском), но в большей степени замены происходят даже и тогда, когда в обоих языках имеются аналогичные формы, но их использование не позволяет осуществить адекватный и эквивалентный перевод. Исследование проведено на основании анализа фактического материала – примеров из художественной литературы.

Ключевые слова: удмуртский язык, русский язык, перевод, грамматические трансформации.

Перевод является одним из видов человеческой деятельности. Переводчик при этом выступает в качестве связующего звена, он удовлетворяет общественную потребность в двуязычной коммуникации, в максимальной мере приближенной к естественной одноязычной коммуникации. Тем не менее, следует отметить, что возможна лишь наибольшая приближенность коммуникации с переводом к естественной одноязычной коммуникации, поскольку полная эквивалентная замена не достижима.

Главная цель перевода – достижение адекватности. Переводчик в этом процессе должен произвести различного рода видоизменения, переформатирования для того, чтобы перевод (текст) как можно более точно передавал всю информацию текста-оригинала, при этом учитывая, конечно же, соответствующие нормы языка перевода. Кроме всего прочего в процессе перевода переводчик должен создать текст того же типа, что и оригинал. То есть, если оригинал написан официально-деловым стилем, то и перевод должен сохранять этот стиль; если оригинал содержит сарказм, то и перевод должен быть саркастичным. Так как невозможно добиться абсолютной эквивалентности перевода, гарантировать полную передачу информации тоже невозможно, что является следствием слишком разных языков и культур. Как отмечает Л.С. Бархударов, «достижение переводческой эквивалентности (понятие «эквивалентный» понимается в смысле «несущий ту же самую информацию»), вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков, требует от переводчика, прежде всего, умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования – так называемые переводческие трансформации – с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм переводящего языка» [1. С. 83].

Творческий характер переводческой деятельности не означает, разумеется, что сама эта деятельность или воздействующие на нее факторы не могут стать объектом научного анализа и теоретического описания. Как полагает В.Г. Гак, общая инвентаризация и типологическая классификация всех возможных языковых преобразований может оказать несомненную пользу переводоведению. Она обеспечивает решение трех задач: дать в руки переводчику полную гамму средств, способных выразить данное значение; оправдать существующую практику перевода, поскольку в своей работе переводчики стихийно прибегают к преобразованиям, порой весьма сложным; дать лингвистическое объяснение любому виду расхождений при переводе [4. С. 64]. Кроме того, знание переводчиком «правил, приемов и стереотипов» обеспечивает большую надежность и объективность результатов перевода, помогает в условиях нехватки времени быстрее найти вариант перевода.

Исследователи при анализе переводов предлагают различные типы классификации переводческих трансформаций. Многие из них выделяют лексические, грамматические типы [11], другие прибавляют к ним лексико-грамматические типы классификации [7. С. 172]; некоторые предлагают более детализированные группы: Л. К. Латышев отмечает лексические, морфологические, синтаксические, стилистические, семантические и смешанные трансформации [9. С. 180-184]. Как видим, исследователи не полемируют по поводу наличия грамматических изменений. Мы рассмотрим грамматические трансформации, происходящие при переводе удмуртской художественной литературы (прозы) на русский язык.

Объектом нашего исследования послужил перевод романа-трилогии И.Г. Гаврилова «Вордйськем пальёсын» [2] на русский язык С.И. Никитиным под названием «Корни твои» [3]. И.Г. Гаврилов – основоположник удмуртской драматургии. Он написал свыше 30 пьес, дал начало удмуртскому профессиональному театру и, как многие первые национальные писатели, работал одновременно в разных жанрах. Анализируемая нами трилогия является самым крупным его эпическим произведением. Этот роман стал выдающимся не только в творчестве самого И. Гаврилова, но и в удмуртской литературе в целом. Творчество С.И. Никитина, выполнившего перевод, неразрывно связано с удмуртской литературой. Кроме трилогии И.Г. Гаврилова, им переведены на русский язык роман М. Коновалова «Гаян», роман Г. Красильникова «Арлэн кутсконэз» («Начало года»), повести С. Самсонова «Яратйсько тонэ» («Люблю тебя») и «Тугаськем бугор» («Запутанный клубок») [12. С. 40].

Зарождение удмуртской переводной литературы связано непосредственным образом с формированием литературного языка и возникновением удмуртской литературы в целом; по мнению В.Г. Пантелеевой, этот процесс зародился в начале XIX в. [10. С. 136-138]. Б.И. Каракулов отмечает, что переводы христианских текстов на удмуртский язык уже известны с 40-х гг. XVIII в. [5. С. 99-100]. Исследователи едины во мнении, что переводы того периода, как правило, связаны с религиозными текстами и выполнены с русского языка. Первые переводы с удмуртского языка были выполнены только в начале XX века. С того времени по настоящий момент выполнено довольно много переводов прозы, стихов, научных и научно-популярных работ, фильмов, мультипликационных фильмов и т. д. с удмуртского языка не только на русский, но и другие языки; тем не менее, этого количества до сих пор не достаточно для отражения всего богатства литературы и культуры в целом удмуртского народа. Переводная литература с удмуртского языка подвергается анализу в той или иной степени; опубликованы статьи, рецензии, монографии, но переводческие трансформации ни разу не становились предметом исследования.

Перевод с одного языка на другой не возможен без грамматических преобразований. Грамматические трансформации – это в первую очередь перестройка предложения (изменение его структуры) и всевозможные замены – как синтаксического, так и морфологического порядка. Причинами этих изменений могут быть не только грамматические, но и лексические факторы, тем не менее, основную роль играют различия в строе языков. Чтобы получить правильное и точное отражение в переводе, решение переводческой задачи зависит от удачного выбора формы слова, его грамматической категории. Как пишет Я.И. Рецкер «профессиональный квалифицированный перевод начинается со стадии, когда иноязычное предложение уже осмыслено переводчиком, а следовательно, его грамматическая структура раскрыта. Неважно, будет ли это беспереvodное понимание или нечто вроде диффузного, неоформленного перевода. Однако под влиянием различных факторов переводчик вынужден прибегать к грамматическим трансформациям, важнейшие из которых состоят в полной или частичной реконструкции предложения, в замене частей речи и членов предложения в переводе. Нередко трансформация необходима даже при наличии в переводимом языке аналогичной структуры» [11. С. 81-82].

При осуществлении перевода нужно учитывать весь спектр факторов, которые могут повлиять на применение грамматических трансформаций, таких как синтаксическая функция предложения, его лексическое наполнение, смысловая структура, контекстуальное окружение предложения, а также и экспрессивно-стилистическая составляющая. При сопоставлении грамматических категорий и форм русского и удмуртского языков обычно обнаруживаются следующие явления: 1) отсутствие той или иной категории в одном из языков; 2) частичное совпадение; 3) полное совпадение. В удмуртском языке, как и в других уральских языках, в отличие от русского языка, отсутствует грамматическая категория рода [14. С. 21]. Для определения рода, к примеру, пола лирического героя, в удмуртском тексте в большинстве случаев помощником служит контекст, хотя другие (лексические) способы тоже могут быть задействованы: *анай* ‘мать’ и *атай* ‘отец’, *нылаш* ‘девушка’ и *пияш* ‘парень’, *кышно-*

мурт 'женщина' и *пиосмурт* 'мужчина', *кен* 'сноха' и *эмести* 'зять' [13. С. 27]. В отдельных же случаях используются слова *айы* 'самец' и *мумы* 'самка' (для обозначения животных), например, *мумы ӓзег* 'гусыня' и *айы ӓзег* 'гусак' и др.

Одним из грамматических изменений при переводе является **дословный перевод (нулевая трансформация)** – это способ перевода, при котором синтаксическая структура исходного языка заменяется аналогичной структурой переводного языка: *Ӗз удалты Катялэн улонэз* [2. С. 337] 'букв.: Не удалась Катина жизнь'¹. *Не удалась Кате жизнь* [3. С. 300].

О дословном переводе В. Н. Комиссаров пишет следующее: «Прием достаточно прост, но заслуживает упоминания по двум причинам. Во-первых, потому, что следует подчеркнуть «легитимность» его применения: у начинающих переводчиков иногда обнаруживается стремление изменять синтаксическую структуру даже там, где лучшим выбором был бы дословный перевод. Во-вторых, надо четко отличать этот прием от буквального перевода, который тоже передает «слово в слово», но при этом искажает его смысл или нарушает нормы языка» [8. С. 163].

Нулевая трансформация может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе: *Отӱзэ Катя лыдӓыны ӓз быгаты* [2. С. 339]. *Дальше Катя читать не смогла* [3. С. 301]. В данном предложении, а также и вышеприведенном предложении в оригинале и переводе совпадает не только количество словоформ, но и порядок их следования, что случается крайне редко. Применение синтаксического уподобления, может сопровождаться изменениями структурных компонентов. В первую очередь, в силу различия синтаксиса удмуртского и русского языков, происходят перестановки, т.е. лексемы принимают иное положение в предложении: *Мон тодӓсько, секыт луоз тыныд та ивор* [2. С. 334]. *Я знаю, тяжелой для тебя будет эта весть* [3. С. 295]. *Бер ӧвӧл на, пегӓы, городэ мын* [2. С. 23]. 'букв.: Еще не поздно, беги, в город иди'. *Еще не поздно, беги, поезжай в город* [3. С. 25]. При переводе, также могут опускаться союзы, частицы, иные служебные элементы, а также происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц: *Малы нош тӱ гуртысь кошкиды?* [2. С. 136] 'букв.: Почему же вы из деревни ушли?' *Почему из деревни уехала?* [3. С. 135]. При переводе данного предложения опущена частица *нош* 'же', а также местоимение *тӱ* 'вы'; вставлен предлог *из*, поскольку выражаемое этим предлогом грамматическое значение русского языка, в удмуртском передается маркером элатива - *ысь*. Все эти изменения не затрагивают основной структуры предложения, которая передана с помощью аналогичной русской структуры, сохраняя одинаковый набор членов предложения и последовательность их расположения в тексте. Изменение структуры предложения при переводе объясняется, как правило, невозможностью обеспечить эквивалентность перевода путем дословного перевода. С. Никитин достаточно часто использует прием дословного перевода, не изменяя смысл и не нарушая при этом законы языка, что говорит о профессионализме переводчика.

Прием **членения предложения**, как об этом говорит его название, заключается в том, что одно предложение оригинала делится на два-три предложения в переводе. Применение этого приема может быть вызвано семантическими или стилистическими причинами. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения в сложное предложение, либо к преобразованию простого или сложного предложения в два или более самостоятельных предложения, например: *Анна Алексеевна, ужан интыысьтыз расчӓт басьтыса, Бадӓымшуре мыныны дасяськиз* [2. С. 253]. 'букв.: Анна Алексеевна, уволившись с места работы, приготовилась пойти в Бадзымшур'. *Анна Алексеевна приготовилась к поезду на жительство в Бадзымшур. Уволилась с работы, упаковала вещи* [3. С. 227].

В русском переводе будет естественным разбить сообщение на две части и сообщить о двух событиях в двух предложениях; классическому удмуртскому языку присущи предложения с деепричастными оборотами вместо сложноподчиненных предложений [6. С. 84–86]. Таким образом, причинно-следственные отношения, выраженные деепричастным оборотом, были переданы в русском языке двумя самостоятельными простыми предложениями. Для русского перевода трилогии «Вордӓськем пальӓсын» («Корни твои») характерно стремление к относительной краткости предложений, чем для оригинала на удмуртском. Нами были выявлены довольно много таких примеров, где предложение оригинала делится на два предложения в переводе: *Спиридон Богатырев кадӓ правой оппортунизме нӧдӓм муртӓӓсты партия радӓсь корт ысьнерен ӓужыса уल्याно* [2. С. 254]. 'букв.: Таких как Спиридон Богатырев, завязших в правый оппортунизм людей, из партии, железной метлой подметая, на-

¹ Здесь и далее нами выполнены переводы тех предложений, которые отличаются от переводов С.И. Никитина.

до выгнать'. *Богатырев и ему подобные завязли по уши в правом оппортунизме. Пора железной метлой вымести их вон из партии* [3. С. 228]. В этом случае в оригинале предложение осложнено причастным оборотом, что в русском, как и в случае с деепричастным оборотом, трансформировано в два отдельных предложения. В некоторых случаях, тем не менее, членение предложений можно наблюдать и при сложных предложениях: *Їуказеяз ъукна Катя бер султїз, Нюра шаньгиос но пыжыны вуэм ни* [2. С. 37]. 'букв.: Назавтра Катя утром поздно встала, Нюра и шаньги испечь успела уже'. *Катя проснулась поздно. Тетя Нюра уже успела испечь шаньги* [3. С. 41].

Прием **объединения предложений** прямо противоположен приему членения предложений – двум или трем предложениям оригинала соответствует одно предложение в переводе: *Колчакез уллям бере, Катялэн улонэз воштїськїз. Советской власть нянен но дїськутэн юрттїз соослы* [2. С. 14]. 'После изгнания Колчака, Катина жизнь изменилась. Советская власть хлебом и одеждой помогла им'. *Когда прогнали Колчака, Федосье, как жене расстрелянного врагами революции комбедовца, Советская власть помогла питанием и одеждой* [3. С. 15].

Этот прием близок описательному переводу, наряду с грамматической, одновременно происходит и лексическая трансформация – в переводе появляется фраза (*Федосье, как жене расстрелянного врагами революции комбедовца*), которая подразумевается в оригинале, но автор ее не приводит. По мнению переводчика, следует упомянуть об этом факте; данная фраза выражает причинно-следственные отношения, и предполагает оформление двух разных предложений в одном сложном предложении. Переводчик сам решает, что для него целесообразно – объединить или же расчлнить предложения; очень часто разные, порой противоположные, виды трансформаций используются одновременно, также и в приведенном предложении, наряду с экспликацией, использован и другой лексический прием – выкидка слова (фразы): *Катялэн улонэз воштїськїз* 'жизнь Кати изменилась'.

Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных **грамматических замен**, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм. Замены – наиболее распространенный и многообразный вид переводческих трансформаций. В процессе перевода замены могут подвергаться грамматические единицы – формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и т. п. При переводе всегда происходит замена форм исходного языка на формы языка перевода. Но грамматическая замена, как трансформация, подразумевает не просто употребление в переводе форм языка перевода, а отказ от использования форм языка перевода, аналогичных исходным, так как они не позволяют осуществить адекватный перевод [8. С. 162].

Обычно в переводе категория числа сохраняется, то есть соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употребляются в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в одном языке соответствует форма множественного числа в другом: *Гонорар сѣтъязы. Кызбы бен пичи уд оскалты: веросэ понна гинэ вить сю манет... Соку ик Вася кузпалэзлы пачка коньдон мыче* [2. С. 289]. 'Гонорар выдавали. Как же немножко не попробовать: только за мой рассказ пятьсот рублей... Вася сразу же протягивает пачку денег жене'. – *Выдали гонорар. Как же не отметить: получил за рассказ пятьсот рублей!.. И протягивает жене пачку денег* [3. С. 267].

В данных примерах слово *гонорар* 'гонорар' передано в том же числе, как и в оригинале, а другие лексемы, обозначающие денежные единицы, претерпели изменения. В каждом случае причина такого изменения может отличаться: слово *коньдон* (ед. ч.) 'деньги' передано лексемой во множественном числе, поскольку в русском языке это существительное *pluralia tantum*, у него нет формы единственного числа. Изменение единственного числа слова *манет* 'рубль' на множественное число обусловлено синтаксическими особенностями: в русском языке между сегментами словосочетания прослеживается связь управление, при котором главный компонент (*пятьсот*) управляет плюральной формой, а в удмуртском языке между собой эквивалентные слова связаны примыканием.

В определенных условиях замена формы числа может применяться как прием перевода и при наличии соответствующей формы по соображениям стиля или соответствующего правила: *Улэп маке кадь куалекъя солэн княз автомат, тыл пазя* [2. С. 661]. 'букв.: Словно что-то живое трясется в ее руках автомат, брызжет огнем'. *Автомат затрясся в ее руках, как живой* [3. С. 525]. Стоит отметить: в удмуртском языке отдельную группу существительных составляют парные существительные, куда входят слова, обозначающие одинаковый предмет, употребляющийся в паре, например: *куас* 'лыжа', *ки* 'рука', *син* 'глаз', *пель* 'ухо', *пыд* 'нога' и другие. Эти слова во множественном числе употребляются факультативно. Если речь идет об одном только предмете, то добавляются слова *нал* 'половина'

или *одйг* 'один': *пал ки* 'одна рука', *одйг куас* 'одна лыжа'. Таким образом, в рассматриваемом примере грамматическая форма единственного числа присутствует только формально, даже невозможно представить, что лирический герой женского пола держит автомат в одной руке – автор изначально хотел показать, что она держит автомат в обеих руках, что и отразил переводчик, передав лексему в форме множественного числа.

В удмуртском языке существуют заимствованные слова, которые в русском языке употребляются только во множественном числе, и эти заимствования меняют свою форму: как правило конечная гласная выпадает и они употребляются в единственном числе, а во множественном числе добавляется суффикс *-ос (-ёс)*, например: *час* – *часъёс* 'часы', *каникул* – *каникульёс* 'каникулы', *очки* – *очкиос* 'очки' и др. [13. С. 28]: *Толалтэ каникулэ Сергеен Катя Москваысь ёош кошкизы* [2. С. 347]. 'букв.: Зимой на каникулы Катя с Сергеем из Москвы вместе отправились'. *Сергей и Катя на зимние каникулы поехали на родину вместе* [3. С. 307].

При переводе часто встречается замена времени у глаголов: *Лейтенант синъёссэ усьтйз. Маке вераны турттэ но уг быгаты, пинъёссэ гинэ сыске но ёсуитэ* [2. С. 661]. 'букв.: Лейтенант открыл глаза. Что-то сказать хочет, но не может, зубами только скрежещет и стонет'. *Сергей открыл глаза, увидел Катю, попытался что-то сказать, но лишь простонал* [3. С. 525]. У данных глаголов русского языка есть форма презенса, но они все употреблены в прошедшем времени. В переводе С. Никитина довольно часто фигурируют формы прошедшего времени вместо форм настоящего времени в романе И. Гаврилова: *Укноетй пырем шунды ёуж буюм выж вылын шудэ* [2. С. 512]. 'букв.: Заглянувшее через окно солнце играет на желтом полу'. *Солнечные зайчики играли на желтом полу* [3. С. 420]. *Отчётной концерт дыръя, Катяен артэ сылыса, Сергей но быгатэмезья кырза, нош сюлмыз пумен зырда* [2. С. 538]. 'Во время отчетного концерта, стоя рядом с Катей, и Сергей по возможности поет, а сердце его постепенно накаляется'. *В заключение члены экспедиции дали концерт. Стоя рядом с Катей, Сергей, как мог, подпевал, однако мысли его были взбудоражены* [3. С. 430]. *Куазь весь толаське* [2. С. 132]. 'букв.: Погода постоянно [была] ветреная'. *Выл ветер* [3. С. 130].

Трансформация может быть полной или частичной. Обычно когда заменяются главные члены предложения происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные члены предложения, происходит частичная трансформация. Кроме замен членов предложения могут заменяться и части речи: *Ми, нэнэед но дядяед тынад, быдзым салам вераса, муозь йыбырттйськом* [2. С. 339]. *Мы, мать и отец твои, посылаем тебе большой привет, кланяемся до земли* [3. С. 301]. Деепричастный оборот *быдзым салам вераса* 'букв.: говоря большой привет' заменен сочетанием с финитной формой глагола: *посылаем тебе большой привет*. Таким образом, в переводе вместо деепричастного оборота получаем однородные члены предложения. В удмуртском языке деепричастия с суффиксом *-са* довольны употребительны; подобных трансформаций зафиксировано нами большое количество: *Ульчае потэм бераз, Спиридон Васильевич, чылкыт омырез мёля тыраз кыскыса, капчиен дулскиз<...>* [2. С. 374] 'букв.: После того, как вышел на улицу, Спиридон Васильевич, втянув чистый воздух полной грудью, с легкостью вздохнул'. *На улице вздохнул (Богатырев) полной грудью, проговорил с осуждением и сожалением<...>* [3. С. 336].

Поезд куинь полэс куараен «у-у-у!» кеськиз, гуретыса но дыбыртыса, корт выж вамен потйз [2. С. 12]. 'букв.: Поезд троекратно прогудел «у-у-у», шумя и грохоча, прошел по железному мосту'. *Поезд с шумом и гуденьем пролетел по мосту* [3. С. 13]. В данном предложении трансформации опять подверглись инфинитные формы на *-са* (*гуретыса* но *дыбыртыса* 'букв. шумя и грохоча'), только с той разницей, что герундий оригинала был заменен не глагольной, а субстантивной формой: *с шумом и гуденьем*. Исходя из этого, констатируем, что в данном примере произошла трансформация по замене части речи.

Замена типа предложения тоже является частым приемом, которым пользуется С.И. Никитин при переводе трилогии «Вордйськем пальёсын» («Корни твои») на русский язык. В системе сложного предложения в рамках замены типа предложения могут проявляться следующие виды синтаксических трансформаций: замена простого предложения сложным, замена сложного предложения простым, замена главного предложения придаточным и наоборот, замена подчинения сочинением и наоборот, замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот: *Спиридон Васильевич Богатырёв клубе бергес вуиз: заводлэн директорез дорын совещание вал, собере парткомын кёня ке жегаз на* [2. С. 91]. 'Спиридон Васильевич Богатырев пришел в клуб попозже: было совещание у директора завода, затем еще в парткоме немного задержался'. Переводчик совсем иначе выстраивает данное предложение на русском

языке: *Спиридон Васильевич опоздал на спектакль из-за затянувшегося совещания у директора завода* [3. С. 93]. Так же как и в оригинале выражена причина, по которой Спиридон Васильевич опоздал на совещание, но эта причина синтаксически выстраивается в предложении иначе: сложное бессоюзное предложение оригинала заменено простым предложением в переводимом языке. Такого рода замены нередко вызываются грамматическими причинами – структурными расхождениями между предложениями исходного и переводимого языка.

Наряду с синтаксическими трансформациями по замене типа предложения, его состава, встречаются изменения и несколько иного плана – трансформируется коммуникативный тип предложения, прямая речь заменяется косвенной или наоборот: – *Сайкад-а нылы? – вазиз со либыт. – Я бен мись-таськы* [2. С. 37] ‘Проснулась доченька? – сказала она вежливо. – Ну, давай, умывайся’. – *Проснулась доченька? Вот и хорошо. Умывайся, и будем завтракать* [3. С. 41]. В приведенном предложении слова автора (*вазиз со либыт* ‘букв.: сказала она вежливо’) трансформированы в прямую речь, при этом, конечно, присутствуют и лексические изменения – предложение (*Вот и хорошо*) передает общее значение слов автора (*вазиз со либыт* ‘сказала она вежливо’), но при этом использованы совершенно иные лексемы. Также встречаются преобразования и противоположного направления, когда прямая речь заменяется косвенной или же она передается в переводе описательным путем: *Пименов следователь <...> Богатырёвез капчи пумитаз. «Кыче улйськеры? Кыче тазалыкты? Мар вылез?» шуыса юалляське-мез бере<...>* [2. С. 254] ‘Следователь Пименов <...> с легкостью встретил Богатырева. После того, как задавал вопросы «Как поживаете? Как ваше здоровье? Что нового?» <...> <...> Пименов прежде всего справился о **здоровье Богатырева, новостях, настроении** [3. С. 229]. В приведенном примере сочетаются несколько трансформаций одновременно, в том числе, перестановки, членение и объединение предложений и т.д., но анализируемая замена здесь тоже представлена, и это является очередным доказательством широких возможностей переводчика.

Точность перевода текста не может быть стопроцентной; этому способствуют различные факторы, такие как отсутствие лексики в переводящем языке, отличия двух культур, умения и навыки самого переводчика и многие другие факторы. При этом переводчику все время нужно решать, каким соответствиям, эквивалентам, вариантам перевода отдать предпочтение, он не может использовать любой понравившийся ему вариант, ему необходимо выбрать среди них оптимальный, чтобы перевод получился адекватным и эквивалентным. В этом непростом деле переводчику могут помочь научные разработки, использование готовых схем, теорий перевода, типов различных трансформаций.

В нашей работе выявлены и отражены грамматические трансформации, которые были использованы С.И. Никитиным при переводе романа-трилогии И.Г. Гаврилова «Вордйськем пальёсын» («Корни твои»): дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и различного рода грамматические замены. Следует отметить, что большинство изменений не происходит обособленно, с одной стороны, многие из них сочетаются, к примеру, объединение и членение предложений могут сопутствовать друг другу, с другой стороны, преобразования грамматического характера использованы переводчиком совместно с лексическими трансформациями. Это очередной раз подтверждает всю сложность процесса перевода и ответственность переводчика, он, можно сказать, становится соавтором произведения. Наша работа представляет собой первую попытку классификации грамматических трансформаций при переводе с удмуртского языка на русский язык и не претендует на то, что в ней раскрыты все модификационные приемы, относящиеся к анализируемой группе; тем не менее, надеемся, что наше исследование позволит увидеть причины возможных случаев несоответствия оригинала и перевода, а также может послужить хорошим подспорьем для начинающих переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Гаврилов И.Г. Вордйськем пальёсын: роман-трилогия. Ижевск: Удмуртия, 1982. 736 с.
3. Гаврилов И.Г. Корни твои: роман-трилогия / Перевод С. Никитина. Ижевск: Удмуртия, 1990. 576 с.
4. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: «Интердиалект+», 2000. 456 с.
5. Каракулов Б.И. Обозначение христианских реалий в удмуртских переводах Евангелий издания 1847 года // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Глазов, 2005. С. 99-100.
6. Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удм. ун-т», 2001. 225 с.

7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2004. 424 с.
9. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения). М.: Междунар. отношения, 1981. 248 с.
10. Пантелеева В.Г. Удмуртская поэзия и перевод: анализы, интерпретации, комментарии: монография. Ижевск: Ин-т компьют. исследований, 2016. 248 с.
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: «Р. Валент», 2007. 244 с.
12. Романов В. Ми солы тау кариськом. С. И. Никитинлы 50 арес // Молот. 1975. 9-тй №. 40-тй б.
13. Удмурт кылэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А.А. Алашеева [и др.]; кылкутйсь ред. Н.Н. Тимерханова. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.
14. Uralisztika: Uráli nyelvészet. / Szerkesztette: Kozmács I., Sipőcz K. Budapest, 2006. 167 old. URL: <http://mek.oszk.hu/04800/04868/04868.pdf> (дата обращения: 20.09.17).

Поступила в редакцию 18.10.17

D.A. Efremov, M.R. Urakbaeva

USING GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS WHEN TRANSLATING FROM UDMURT INTO RUSSIAN

When translating from one language to another, the translator has to apply certain modifications and transformations so that the resulting text will be accurate and equivalent to the original. The author analyzes grammatical transformations in fictional texts translated from Udmurt into Russian. The use of zero transformation, although it is used, is very limited as the significant morphological and syntactic differences between Udmurt and Russian require the use of various alterations. Introducing clauses is usually a strategy to replace a verbal participle with two simple clauses. Uniting and splitting clauses are widely applied techniques and sometimes they are combined; these transformations do not generally occur on their own, they are often accompanied by lexical changes as well. Grammatical substitution is the most frequently used strategy, as it includes a wide range of transformations: word forms, parts of speech, clauses, conjunctions, etc. can be changed. These transformations can occur in two cases: either the absence of equivalent grammatical forms in one of the languages (such as gender in Udmurt) requires one or more changes, or when the transformations are triggered by the fact that even though there are similar forms in both languages but their use does not allow to make an accurate and equivalent translation. The study was based on examples taken from fiction.

Keywords: Udmurt language, Russian language, translation, grammatical transformations.

Ефремов Дмитрий Анатольевич,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: dmitjef@mail.ru

Уракбаева Мальвина Равильевна, студентка
E-mail: malvinki91@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

Efremov D.A.,
Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: dmitjef@mail.ru

Urakbaeva M.R., student
E-mail: malvinki91@mail.ru

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2 Izhevsk, Russia, 426034